

- ²⁹ Историческая записка... С. 164.
- ³⁰ Там же. С. 164–165.
- ³¹ Точка зрения некоторых исследователей, утверждающих, что земские учреждения строились на сословном принципе, представляется ошибочной, ибо при всех минусах земской избирательной системы и ограничении выборного принципа, они носили всесословный характер. См.: *Кутафин О. Е., Фадеев В. И.* Муниципальное право. М., 1997. С. 64.
- ³² *Porter Th.* The Development of Political Pluralism in Late Imperial Russia : Local Self-government and the Movement for a National Zemstvo Union. 1864–1917. Washington, 1990. P. 27.
- ³³ *Цейтлин С. Я.* Земская реформа // История России в XIX веке : Б. м. ; Б. г. Т. 3. С. 229 ; *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957. С. 231.
- ³⁴ The Zemstvo in Russia : An Experiment in Local Self-government / ed. by T. Emmons, A. Vucinich. Camb. (Mass.). 1982. P. 23 ; *Porter Th.* The Development of Political Pluralism... P. 27.
- ³⁵ См.: *Фролова Л. Г.* Тульское земство в 1864–1890 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 45.
- ³⁶ ОР РНБ. Ф. 682. Селифонтов Н. Н. Оп. 1. Д. 494. Л. 3.
- ³⁷ См.: *Вайровская С. В.* Земство Коми края (1869–1890) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 11 ; Самарское земство : опыт практической деятельности (1865–1918). Самара, 2009. С. 118–119 ; *Маскина А. С.* Таврическое земство в 1866–1890 гг. (Социальный состав, бюджет и практическая деятельность) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 49 ; *Стефанова И. И.* Вятское земство в пореформенный период. : автореф.

- дис. ... канд. ист. наук. Киров, 1973 ; *Морозова Е. Н.* Саратовское земство. 1866–1890. Саратов, 1991. С. 21–28 ; *Свиридова Т. А.* Калужское земство (1865–1918). Калуга, 1996. С. 24–27.
- ³⁸ *Львова Т. Н.* Московское земство в 1865–1890 годах (Социальный состав и практическая деятельность) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1968. С. 43.
- ³⁹ ОР РНБ, Ф. 682. Селифонтов Н. Н. Оп. 1. Д. 494. Л. 3–4.
- ⁴⁰ *Веселовский Б. Б.* История земства за сорок лет : в 4 т. СПб., 1909. Т. 3. С. 8–9 ; 42.
- ⁴¹ *Вайровская С. В.* Земство Коми края... С. 11 ; *Стефанова И. И.* Вятское земство... С. 7.
- ⁴² *Веселовский Б. Б.* История земства... Т. 3. С. 42.
- ⁴³ См.: *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. С. 161–162.
- ⁴⁴ *Веселовский Б. Б.* К вопросу о классовых интересах в земстве. СПб., 1905. Вып. 1. С. 70.
- ⁴⁵ Сенаторская ревизия Самарской и Саратовской губернии в начале 80-х годов // Саратовская земская неделя. 1904. № 2. С. 2–4.
- ⁴⁶ *Авинов Н. Н.* Опыт систематического чтения по вопросам земского самоуправления. М., 1905. С. 17.
- ⁴⁷ Об общественно-политической деятельности многих председателей земских управ см.: *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 127–175.
- ⁴⁸ Переписка министра внутренних дел П. А. Валуева и государственного секретаря С. Н. Урусова в 1866 году / публ. Л. Г. Захаровой // История СССР. 1973. № 2. С. 122.

УДК 9(470) «18»

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГГ. В ПОЭТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

С. А. Кочуков

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

В статье рассматривается ряд поэтических произведений, написанных на тему Балканского кризиса 70-х гг. XIX в. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Анализируются взгляды публицистов на причины и ход военных действий с Османской империей, показано воздействие на поэтическую публицистику критических общественных настроений.

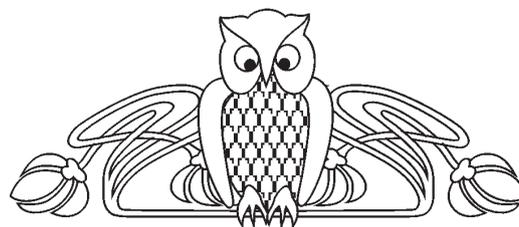
Ключевые слова: Балканский полуостров, действующая армия, публицистика.

Russian-turkish War of 1877–1878. In a Poetic Publicism

S. A. Kochukov

The article discusses a number of poetry written on the topic of Balkan crisis of the 70's. XIX century. and the Russian-Turkish war of 1877–1878. Examines the views of commentators on the causes and course of the war with the Ottoman Empire, shows the impact on the poetic journalism critical of public sentiment.

Key word: Baikan peninsula, Current army, publicism.

Впервые проблему отражения войны на Балканском полуострове 1877–1878 гг. в русской поэтической публицистике затронул в своей работе историк В. А. Золотарев¹. В главе «Война 1877–1878 гг. в народном и профессиональном поэтическом творчестве» он не только справедливо заметил, что «поэзия эта многоцветна по тематике, позициям авторов и художественным достоинствам... она вписалась на злобу дня, по свежим следам событий...»², но и предпринял попытку дать характеристику конкретным произведениям нескольких авторов.

Безусловно, проблема Балкан и южных славян возникла в русской поэтической публицистике задолго до 1877 г. Одним из первых, кто серьезно обратился к данной теме, был А. С. Хомяков. Большинство исследователей упоминали лишь одно его произведение – «К

сербам»³ (1860). Стоит согласиться с Л. В. Кузьмичевой, которая считала, что этот документ был одним из самых спорных в славянофильской среде⁴. Это произведение Хомякова явилось, по сути, обращением русских славянофилов к сербским реформаторам. Более того, оно фактически имело форму наставления «старшего брата». А. С. Хомяков писал: «Мы старше вас в действующей истории, мы прошли более разнообразными, хотя не более тяжелые испытания, и просим Бога, чтобы опытность наша, слишком дорого купленная, послужила нашим братьям в пользу и чтобы наши многочисленные ошибки предостерегали их от опасностей, часто невидимых и обманчивых в своем начале, но крайне гибельных в своих последствиях...»⁵ Безусловно, работа славянофила Хомякова была важной и необходимой для всего «славянофильского дела»⁶, это доказывают те призывы, которые высказывал Алексей Степанович в своем труде: «Сохраняйте же и развивайте у себя все добрые начала! Будьте верны православию и едины в просвещении духовном! Не изменяйте никогда братскому равенству и будьте едины в цельности народной! Стремитесь к образованности и правде и будьте едины в достижении всякого общественного блага и разумного совершенства!»⁷

Несмотря на своевременное написание послания «К сербам», оно было встречено в славянофильской среде неоднозначно. Сам Хомяков хотел, чтобы его единомышленники подписались под его трудом. Он даже ручался за поддержку К. С. Аксакова. И хотя сочинение «К сербам» вызвало определенные споры, но, в конце концов, под этим произведением подписался весь цвет славянофильства. Необходимо заметить, что все-таки послание было далеко не единственным произведением, отразившим взгляды Хомякова на Балканский вопрос. Еще в мае 1854 г., во время Крымской войны, славянофил разразился циклом стихотворений в защиту «славянского дела», самое известное из которых «Суд Божий». Это произведение является, по сути, открытым призывом к решению судьбы южных славян:

*Глас божий: «Сбирайтесь на праведный суд,
Сбирайтесь к Востоку, народы!»...*

*Глас божий: «Сбирайтесь из дальних сторон!
Великое время пришло
Для тризны кровавой, больших похорон:
Мой суд совершится, мой час положен,
В сраженье бросайтесь смело»⁸.*

Исполнение Россией своей исторической миссии – вот главная идея Хомякова. Он признавал, что «русский народ и общество были принесены в жертву гордой и всемогущей бюрократии»⁹, но все эти внутренние проблемы уходили в его представлении на второй план. Главное заключалось в том, что России необходимо осуществить свое

историческое предназначение, а именно освободить от турецкой зависимости южных славян.

*Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.
Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело,
Своих рабов Он судит строго:
А на тебя, увь! как много
Грехов ужасных налегло!
В судах черно неправдой черной,
И игом рабства клеймено;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мерзкой и позорной,
И всякой мерзости полно!¹⁰*

Можно согласиться с мнением исследователя Р. П. Гришиной, которая в статье «Российское общественное мнение и Балканы» высказалась о том, что «славянофилы немало сделали для расширения кругозора русской интеллигенции о “славянстве” как таковом, а также в пользу самих балканских славян, снабжая их книгами, церковной утварью, создавая фонд помощи»¹¹. Вместе с тем, «зачинщики» Славянского благотворительного комитета понимали идею освобождения славян от власти турок доктринерски, ставили во главу угла лишь то, что связывало русских с южными славянами и не замечали отличительных черт. В их представлениях ценности, связанные с включением православных славян Балканского полуострова в пространство национального мифа русского самосознания, были однозначно приоритетными в сопоставлении с прагматическими интересами внешней политики как России, так и народов Балканского полуострова. (Сам термин «панславизм» в этом отношении не совсем верен: славяне у славянофилов были объектом, включаемым в пространство идеи русского национального строительства.)

Рассматривая проблему поэтической публицистики, нельзя не затронуть одну из самых колоритных фигур Московского славянского благотворительного комитета – Ивана Сергеевича Аксакова. Своеобразной программой Аксакова является его стихотворение «На Дунай!», которое было им презентовано А. Д. Блудовой:

*На Дунай! Туда, где новой славы;
Славы чистой светит нам звезда,
Где на пир мы позваны кровавый,
Где на спор взирая величавый,
Целый мир ждет божьего суда!*

*Чудный миг! Миг строгий и суровый!
Там, в бою сгибаясь роковым,
Стонут царств могучие основы,
Старый мир об мир крушится новый,
Ходят тени вещице кругом...!*

*В общей жизни жизнью потеряться,
В общий труд всю душу положить...
Дням так им уж вновь не возвращаться!
На Дунай! Что медлишь? Чем смущаться?
Раз один дается в мире жить!*

*Так проси у бога сил небесных,
Все для дня великого забудь,
Весь зажгись огнем восторгов честных,
Меж рабочих темных и безвестных
Ты всегда рабочим добрым будь!^{12!}*

В этом стихотворении И. С. Аксаков предстает не только как сторонник войны «за идею» и реванша за поражение в Крымской войне. Он отдавал себе отчет, что война станет для России серьезным испытанием. С другой стороны, предостережение Аксакова было настолько закауфлировано, что простой читатель и заметить его не мог. Но зато слова: «На Дунай! Что медлишь ты напрасно?»¹³ – русское общество воспринимало буквально хотя бы потому, что добровольцы, идущие на фронт, были убеждены, что исполняют божью волю. Это стихотворение было дополнено и «пламенными» призывами Аксакова с трибуны Московского славянского благотворительного комитета. В речи от 6 марта 1877 г. он заявил: «Восточный вопрос для России в существе своем прав и ясен. Это вопрос нашего собственного бытия, наш русский, а не западно-европейский. Ибо христианский Восток есть область христианства восточного, во главе которого мы стоим, и иного быть не может. Россия и все славяне Балканского полуострова – это целый особый мир православно-славянский, все оторванные его члены должны быть возвращены этому миру. Его призвания – развить, проявить и воплотить в исторической жизни те духовные начала, которые лежат в основе славянской народности и обуславливаются главным образом православным вероисповеданием... Это война историческая необходимость; это война народная, и никогда ни к какой войне не относился народ с таким сознательным участием»¹⁴.

Начало войны с Османской империей в 1877 г. всколыхнуло все русское общество. Оно было настолько пронизано желанием как можно скорее отправиться на войну, что любое промедление казалась предательством по отношению к миссии, которую должны были выполнить русские войска на Балканском полуострове. По этому поводу в журнале «Дело» было опубликовано анонимное стихотворение «Взгляд и нечто», написанное от лица некоего офицера-добровольца и рассказывающее о его настроениях в начале Балканской кампании:

*Два дня я пробыл в Кишиневе.
Настала дивная пора!
Полки давно уж наготове
И в воздухе гремит «ура!»
Что нам Дунай? Ручей – не боле!*

*Что турки? Что Керим-паша?
Когда б в моей-то было воле,
Скажу, ни мало не греша:
Я мост сейчас бы перекинул,
Керима посадил на кол,
Виддин целчком бы опрокинул
И в миг в Болгарию вошел.
Чего мы ждем теперь в Галаце?
Браилов – скуки синоним!
Я в лучшем здесь живу палате,
Но все же одурью томим.
И если б... если б не девчонки...
(Тсс!.. Тсс!.. Не выдайте секрет!)
В проклятой эдакой сторонке
Давно б мне опостылел свет!^{15!!!}*

Действительно, значительная часть русского общества ждала скорейшего открытия боевых действий. По словам мемуариста В. В. Воейкова: «Наконец, раздался царский голос, война была объявлена, и войска двинулись на Дунай. Надо было видеть всеобщую радость: знакомые и незнакомые поздравляли на улицах друг друга с объявлением войны. Манифест и газеты раскупали нарасхват. Воинственная горячка охватила всех; все старались быть причастниками к делу. Кто хлопотал поступить в действующие войска, кто в Красный крест, кто жертвовал, кто пил за успех русского оружия; одним словом, всякий старался как мог выразить свою готовность быть хоть чем-нибудь полезным в эти важные минуты и способствовать победе Креста над Луной»¹⁶. Священник Вахх Гурьев также был очень расстроен, что русские войска так долго стоят на границе без дела, он отмечал в одном из своих писем: «Если б я знал да ведал, что мы простоим здесь целую неделю, то вместо двух-трех писем я завел бы дневник...»¹⁷ Русские офицеры называли этот период своей службы не иначе как «курорт». Тогда они еще могли себе позволить в большей степени интересоваться городскими новостями, чем полковыми сводками. Порой даже складывается такое впечатление, что война уже закончилась, а для офицерского корпуса важен был сам факт отправки на войну, вызывавший восторженную реакцию общественного мнения страны, а не ведение боевых действий. Например, штабс-капитан К. А. Вольский замечал: «В Кишиневе мы встречали очень много красивых и видных женщин, но из-за боязни заболеть я воздержался от более близкого знакомства с этими милыми гетерами. Подобную воздержанность я высказывал не только в Кишиневе, но и во время всего похода в Румынию, где, признаюсь, соблазн был очень велик. Мы в России, а в особенности в Петербурге, не избалованы женской красотой, в Румынии же женщины одна привлекательней другой... Жилье в Яссах было очень веселое, мы по целым дням шатались по улицам...»¹⁸ На Кавказском фронте дело обстояло аналогично. Например, в письмах поручика Севастьянова

родителям прямо сообщалось: «Время проводим весело и вообще масса удовольствий»¹⁹. Более искренен был в своих мемуарах будущий герой Первой мировой войны А. А. Брусилов, заявляя, что «едва ли кто-либо был особенно воодушевлен мыслью идти драться за освобождение славян или кого бы то ни было, так как целью большинства была именно самая война, во время которой жизнь течет беззаботно, широко и живо, содержание получается большое, а вдобавок дают и награды, что для большинства было делом весьма заманчивым и интересным»²⁰.

Непосредственно перед войной с Османской империей появилось немало поэтических произведений, в которых не только восторженно принималась сама идея освобождения славян от турецкого ига, но и появились стихи панегирического содержания. Наиболее ярким примером этого является воззвание к генералу М. Г. Черняеву, автором которого являлся поэт Ф. Б. Миллер, написавший в 1851 г. стихотворение «Раз, два, три, четыре, пять – вышел зайчик погулять...» В 1876 г. он стал известен благодаря стихотворению более серьезного, если не сказать пафосного, характера:

*Архистратиг славянской рати,
безукоризненный герой!
Под кровом Божьей благодати
да совершится подвиг твой!
Да сохранит в борьбе кровавой
тебя Всевышнего рука,
и память дел твоих со славой
пройдет в далекие века»²¹.*

Прозвище «Архистратиг славянской рати», прикрепленное к Черняеву поэтом Миллером, сослужило генералу плохую службу. Если первоначально его миссию на Балканах и его службу в сербской армии воспринимали в русском обществе «на ура», то впоследствии начались нападки на генерала со стороны общественного мнения. Наиболее яростную атаку на Черняева предпринял редактор газеты «Голос» и будущий военный корреспондент Г. К. Градовский²², который в своей статье «Архистратиг славянской рати» подверг резкой критике поездку Черняева на Балканы. Г. К. Градовский в первую очередь предупреждал о необдуманности в деле военной помощи братьям-славянам, он писал: «Сербия вовсе не бедствовала, а вздумала разыграть роль Пьемонта на Балканском полуострове, не имея для того ни малейшей подготовки»²³. Градовский называл саму поездку генерала на Балканы позором²⁴, и предпринял также попытку развенчать легенды, связанные с фигурой «русского Гарибальди» (так называл Черняева лидер Московского славянского комитета Аксаков).

Миссия России на Балканском полуострове в качестве темы поэтической публицистики звучит в произведениях А. Н. Майкова. Аполлон Нико-

лаевич Майков в России был известен, главным образом, как поэт, воспевающий русскую деревню и античный мир. Но начиная с 1868 г. в его творчестве важное место занимает история Балканского полуострова. По всей видимости, заняться этим его побудила поездка по Сербии, Болгарии и Греции. Сразу по возвращении в Россию, он пишет ряд произведений относительно балканского вопроса. Одним из самых показательных произведений является стихотворение «Никогда».

*Мы – славяне; край сей дан
Нам в удел от Бога.
Щедро им он наделен
Благодатью с неба:
Не поленись, так всем
Свой кусок есть хлеба.
Много-ль, мало-ль – с нас того
Будет, что имеем:
Благо сеем на своем,
Жнем, что сами сеем...»²⁵*

Из приведенного отрывка явно следует, что Майков объединял все славянские народы в единое целое. В этом отношении он был, безусловно, не одинок. В частности, в 1867 г. во время Славянского съезда в Москве подобные высказывания звучали не раз. Например, профессор Белградского лицея Янко Шафарик высказался по этому вопросу предельно ясно: «Я предлагаю тост за здоровье величайшего из народов славянских и за то, чтобы народ русский, бывший доселе только русским, стал народом славянским и взял бы под свой покров прочие племена славянские...»²⁶ Подобные настроения были явно близки и русским общественным деятелям, в частности М. П. Погодину. Он не только заявил, что «Все племена славянские в первый раз отроду собираются вместе»²⁷, но и напечатал в газете «Русский» стихотворение следующего содержания:

*На землях славян заря горит,
Се жених грядет во полночи.
«Едем, братья, на Святую Русь,
Повидаем богатырь-братьев...»
Поздно вечером не спит Москва,
Братья кровные беседуют...
Тысячу лет мы не видались»²⁸.*

Изъяснения в любви славянских народов друг к другу были чрезвычайно популярны, особенно на фоне назревавшего очередного балканского конфликта. Что же касается позиции Майкова, то он в своей работе «Раздел Турции», комментируя стихотворение «Никогда», заявил: «Еще издавна славянские народы, особливо ближайшие между собой по языку и вере, обнаруживали взаимное друг другу тяготение»²⁹. Вместе с тем, он воспринял начавшуюся войну с Турцией очень осторожно, считая, что европейские державы в лице Великобритании и Австрии

втянули Россию в очередную бойню. Он писал: «Какой бы исход ни имела начавшаяся война, в которую втравили Россию, порядок вещей в Турецкой империи должен был пошатнуться»³⁰. Вероятнее всего, Майкову, как и многим деятелям из Московского славянского благотворительного комитета, больше импонировала роль наблюдателя, чем активного деятеля, тем более на театре военных действий.

В поэзии А. Н. Майкова не была забыта и фигура российского монарха, который должен возглавить освободительный процесс на Балканском полуострове.

*Опять горит Восток... Опять и кровь и стон...
Спаленные поля, насилье, смерть, проклятье...
Опять блуждающих в горах детей и жен
По братьям во Христе молящие объятья.
Европа на сей раз внимает их мольбам!
Но взоры их следят за царственной Россией:
Там царь-помазанник, стратиг Востока там;
Туда указано пред смертью Византией³¹!*

Как видно, в стихотворении «Опять горит Восток» переплетены две идеи. Во-первых, России предназначено освободить земли, которые в свое время принадлежали Византийской империи, а во-вторых, организатором этого освобождения должен стать российский император. Для значительной части русского общества имя императора Александра II было неразрывно связано с идеей освобождения сербов и болгар.

Тем не менее, говорить о единстве поэтической публицистики в понимании балканской проблемы ошибочно. Несмотря на то что в основе этих произведений была одна и та же идея – идея освобождения южных славян и восстановления престижа Российской империи, пошатнувшегося в результате неудачной Крымской войны, публицистические произведения на тему освобождения Балканского полуострова можно условно разделить на две части. Первая часть – это произведения, появившиеся до 1877 г. Вторая часть – это публицистика непосредственно военного периода. Исследователь В. А. Золотарев недооценил это хронологическое различие³².

Русское общество проявляло большую степень энтузиазма в ожидании войны и при подготовке к ней, чем в период тяжелых военных событий. Война оказалась не такой простой, как проповедовал лидер Московского славянского благотворительного комитета И. С. Аксаков, и не такой молниеносной, как предполагал в своем плане генерал-лейтенант Н. Н. Обручев³³. Русское общество ждало быстрых побед, что было совершенно нереалистично. Кроме того, любая война стоит жертв, в Россию хлынула масса раненых. В обществе возникало разочарование, зрело недовольство.

Поэтическая публицистика, как барометр, живо реагировала на реалии войны. Появляются

стихи иного содержания. Злободневные поэтические тексты этого периода зачастую анонимны. Само пребывание русских волонтеров на Балканском полуострове в 1876 г. уже начинало казаться если не ненужным, то, по меньшей мере, странным. Показательным в этом отношении является стихотворение «Два кадета».

*Жили-были два кадета
И примером всем служили:
Поднимались до рассвета
Иловайского зубрили...*

*Только нынешнее лето
Сбило их с пути науки,
Лишь Суворина газета
Им попалась где-то в руки...*

*Даже клятву дали где-то
Взять вдвоем Константинополь,
И недавно басня эта
Облетела весь Петрополь³⁴.*

Для многих становилось очевидным, что немалое количество добровольцев, прибывших в Сербию, понятия не имело, чем им предстоит заниматься. Прозаик и публицист Григорий де-Воллан в своих мемуарах так описывает русского волонтера, «случайно» отправившегося освободить братьев-славян: «Один изящный, богатый офицер и не думал ехать в Сербию. Вся жизнь была для него поприщем радости и наслаждения. Он сознавался потом, что вся эта сербская история – ужасная глупость. Он возвращался с пирушки в Павловске, после музыки; какое-то грустное чувство овладело им, он не мог отделаться от него и на другой, и на третий день. Все казалось ему бессодержательно, мелко, пусто кругом. “Поеду в Сербию”, – решил он и поехал. А таких было много, и они делали свое дело»³⁵. Но главное в том, что у русских добровольцев, рвавшихся на помощь славянам из самых разных побуждений, было не совсем верное понимание предстоящей войны наряду с незнанием возможностей противника. Что собой представляет турецкая армия – «про то хорошо не знали: на месте будет виднее». Не менее жестко о некоторых волонтерах высказывался русский журналист Н. В. Максимов, называя их не иначе как «пьющими, безобразными, бесшабашными, плохо подготовленными в военном искусстве»³⁶.

Русское общество начали раздражать огромные людские потери. В прессе появились анонимные стихотворения, где эта проблема поднималась. В 1878 г. в журнале «Дело» было опубликовано стихотворение «Зимой в 1877–1878 гг.». В этом произведении, подписанном «С.Г.», не указывалось напрямую место действий, но всякому было понятно, что в нем описываются события, происходившие на Шипке.

*Под этот шум рукоплесканий,
Под эту музыку пиров,
Не веришь, что на поле брани
Вчера лилась родная кровь.*

*Не веришь, что над бедным краем
На завтра пушки загремят
Что в этих оргиях встречаем
Мы дни страданий и утрат*³⁷.

Более того, появляются публицистические произведения, где поднимается важный вопрос: «Какие интересы у России в этой войне?». Освободить братьев-славян от турецкого ига? Но подобные заявления И. С. Аксакова будоражили русское общество все меньше. Многие считали, что у Российской империи много своих насущных проблем, и нужно решить в первую очередь их, а не тратить людские ресурсы и финансовые средства на помощь южным славянам. Под псевдонимом «Мизантроп Н» в журнале «Дело» в разделе «Калейдоскоп» была опубликована статья, в которой поднимался этот вопрос. Автор писал: «...Всеобщее внутреннее недовольство, возрастающий государственный долг, биржевой ажиотаж, банкротства, упадок экономического развития и преобладание милитаризма, как охраны искусственно-созданного порядка – вот цветы общегерманского прогресса, взлелеянные на почве объединения. Таким ли блаженным состоянием намериваются наши шовинисты облагодетельствовать воссоединяемых славян? А что станется с русским народом даже в случае удаchi грандиозного предприятия, с тем серым мужичком, который газет не читает по безграмотству или потому, что у него все пятаки сосчитаны, который о славянах имеет смутное понятие, смешивая их, по вере, с греками, который сам себе не в силах помочь в безысходной беде, но которого наши войнолюбцы тащат за ворот: “спасай, мол, весь мир угнетенья?!”»³⁸.

Присутствие русских войск на Балканах развеяло ряд иллюзий. В первую очередь об угнетенных и доведенных до отчаяния сербах, болгарах и черногорцах. У русского общества благодаря неумной агитации Славянских комитетов сложилось превратное понимание крайне неблагоприятной ситуации в регионе. Но впоследствии обнаруживался тот факт, что южные славяне в ряде случаев жили гораздо лучше, чем их освободители, русские солдаты. Русская поэтическая публицистика затронула и эту проблему. В одном из анонимных произведений отмечалось:

*Болгарский мужичок
Стал нашим идеалом,
А русский серячок
Пусть знает с кружалом
Пусть сохнет от труда,
В одежде ходит рваной:
Прилично ль господа,*

*Нам звать с обезьяной?
Пристойно ль нюхать вонь
Онучей и сермяги,
Когда горит огонь
Воинственной отваги.
Когда бодрится дух,
Вдали мелькают лавры,
Когда гремят вокруг
И трубы и литавры,
Когда газетный люд
В тревоге и кураже,
И денежки плывут
От розничной продажи...»³⁹*

Действительно, в Российской империи многие проблемы, в том числе и пресловутый крестьянский вопрос, ушли на второй план, а наиболее популярным и даже модным стал вопрос балканский. В определенной степени были обмануты и сами угнетенные. В частности, сербы были убеждены в поголовном богатстве и достатке русских⁴⁰.

Однако не стоит считать, что русская поэтическая публицистика, рассматривая войну 1877–1878 гг., лишь безлично критиковала либо, напротив, воспринимала на ура события на фронтах. В ходе вооруженного столкновения предпринимались попытки, правда, единичного характера, выяснить, кто был конкретно виноват в ряде неудач русской армии. Под Плевной как нельзя лучше проявились шапкозакидательские настроения, высказанные еще Ф. М. Достоевским: «Мы всех сильнее»⁴¹. По свидетельству офицера-современника: «Выступили мы в поход под Плевну бодро, все были в беззаботном настроении духа, несмотря на малый отдых и пропавший обед; все были в том настроении, как пелось в старинном марше:

*«Гром победы раздавайся
Веселись, храбрый Росс!»⁴²*

С другой стороны, внешнее торжественное оформление затеняло профессиональную подготовку. Налицо была определенная беспечность перед штурмом: «Ничего не было слышно ни о рекогносцировках, ни о детальном движении, которое, однако, уже давно, еще при переходе нашем через Дунай, было предположено по направлению через Плевну»⁴³. Даже когда офицерам была прочитана диспозиция, то она удивила всех своей лаконичностью: «Выходило по ней, что 18-го июля два отряда, один генерала Шаховского, а другой Криденера должны с раннего утра начать атаку Плевны с двух сторон, имея, кажется, два полка для поддержания связи между обоими отрядами»⁴⁴.

Безусловно, события при Плевне не могли не быть отраженными в поэтической публицистике. В списках гуляли стихи, в которых высмеивались командующие русскими войсками на Дунае и Кавказе, великие князья Николай Николаевич старший и Михаил Николаевич.

*Горькая наша доля
Знать досталась свыше,
За Дунаем Коля,
На Кавказе Миша.*

*Храбро, будто спяна,
Смело наступая,
Зивин да Османа
Сдуру прозевали.*

*И куда же бедным
В Византию в гости!
Опустите ж флаги,
Как уж сделал Костя.*

*Турок победим мы,
Дайте умным волю
Да пошлите к черту
Мишеньку да Колю⁴⁵.*

В данном произведении недвусмысленный намек на поражение русских войск у села Зивин 13–14 июня 1877 г. И хотя официально виновными в поражении были названы генералы В. А. Гейман и М. Т. Лорис-Меликов, тем не менее было совершенно очевидно, что они согласовывали свои действия с командующим русскими войсками на Кавказе вел. кн. Михаилом Николаевичем, который напрямую вмешивался в полковые дела. Что же касается вел. кн. Николая Николаевича, то его командование русской армией на Балканском фронте принесло больше вреда, чем пользы, непродуманностью при отдаче приказов и настаиванием на своем, часто ошибочном, мнении и т. д., что в конечном итоге и было одним из факторов плененческой трагедии.

Поэтическая публицистика России внесла ощутимый вклад в формирование общественных взглядов на Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Ведущей темой оставалось прославление похода русской армии на Дунай как исполнения исторической миссии Российской империи. Помимо заведомо хвалебных панегирических произведений, нашли свое отражение и критические настроения части общественности, причем не только в отношении генералитета Дунайской и Кавказской армий, но и в понимании самой необходимости войны с Османской империей.

Примечания

- ¹ См.: *Золотарев В. А.* Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М., 2005.
- ² Там же. С. 223.
- ³ См.: *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений : в 8 т. М., 1900. Т. 1. С. 377–408 ; *Кочуков С. А.* «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012. С. 196–197 ; *Кузьмичева Л. В.* Сербская государственная идея в 60–70-х гг. XIX в. // Двести лет

новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. СПб., 2005. С. 158.

- ⁴ *Кузьмичева Л. В.* Указ. соч. С. 158.
- ⁵ *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 379.
- ⁶ *Кузьмичева Л. В.* Указ. соч. С. 157.
- ⁷ *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 407.
- ⁸ Цит. по: *Апостольский П.* Нравственные основы настоящей войны. М., 1877. С. 5–6.
- ⁹ *Ш.* О некоторых направлениях в нашей поэзии после Пушкина // *Гражданин.* 1872. №1. С. 185.
- ¹⁰ Там же. С. 185, 186.
- ¹¹ *Гришина Р. П.* Российское общественное мнение и Балканы // *Человек на Балканах глазами русских.* СПб., 2011. С. 153.
- ¹² РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 153. Л. 1об–2.
- ¹³ Там же. Л. 1об.
- ¹⁴ Там же. Д. 136. Л. 10об, 14об.
- ¹⁵ *Калейдоскоп* // *Дело.* 1877. №6. С. 136–137.
- ¹⁶ *Воейков В. В.* От Дуная до Царьграда 1877–1878. Записки участника. М., 2008. С. 7. Так же в восторженных тонах о начале войны пишет в своих воспоминаниях офицер В. Ф. Ореус : «4-го августа 1877 г. я простился с родными и товарищами и отправился в Москву догонять мой уже ушедший полк. В Петербурге как-то не замечалось того волнения и оживления, которое я нашел в первопрестольной столице России. На улицах, на дебаркадере, в ресторанах, только и слышны были толки про военные действия, причем, конечно, слышались иногда преуморительные суждения, приносимые с важным видом домороженными стратегами. По курской железной дороге, на станциях, уже попадались партии пленных турок, конечно, возбуждавших мое любопытство, и я не раз подходил и общался с пленным офицером по-французски или по-немецки, но, к крайнему моему удивлению, ответа не получал, так как большинство из них, выслуживавшиеся из рядовых, иностранных языков не понимали... Сколько тут было съедено и выпито – предоставляю читателю судить, взявши в расчет, что сто восемьдесят гвардейских кавалерийских офицеров прожили тут несколько дней и от безделья, конечно, засиживались на вокзале» (*Ореус В. Ф.* Воспоминания о походе 1877–1878 гг. // *Русская старина.* 1884. Т. 43, № 8. С. 411–412).
- ¹⁷ *Гурьев В.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 2007. С. 7.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 398. Л. 6–7.
- ¹⁹ Там же. Д. 386. Л. 7.
- ²⁰ *Брусиллов А. А.* Мои воспоминания. М., 2004. С. 21.
- ²¹ *Михайлов А. М.* Михаил Григорьевич Черняев. СПб., 1906. С. 5.
- ²² См.: *Кочуков С. А.* Русский Гарибальди (русский военный деятель – Михаил Григорьевич Черняев) // *Чтения по военной истории.* СПб., 2009. С. 131–136 ; *Он же.* Г. К. Градовский – военный корреспондент русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Проблемы истории российской цивилизации : сб. науч. тр.* Саратов, 2007. Вып. 3. С. 88–95.

- ²³ Градовский Г. К. Архистратиг славянской рати // Образование. 1909. № 1. С. 116.
- ²⁴ Там же. С. 117.
- ²⁵ Майков А. Н. Никогда // Гражданин. 1884. № 1. С. 7–8.
- ²⁶ Цит. по: Милютин Д. А. Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 477.
- ²⁷ Русский. 1867. № 195. 1 мая.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Майков А. Н. Раздел Турции. Б. м. ; Б. г. С. 130.
- ³⁰ Там же. С. 138.
- ³¹ Цит. по: Золотарев В. А. Указ. соч. С. 223.
- ³² Там же. С. 223–233.
- ³³ См.: Кочуков С. А. Указ. соч.
- ³⁴ Цит. по: Золотарев В. А. Указ. соч. С. 229.
- ³⁵ де-Воллан Г. А. В Сербии. Недавняя старина // Русский архив. 1879. Кн. 2, №7. С. 355.
- ³⁶ Максимов Н. В. Две войны 1876–1878 гг. // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. Т. 1. С. 202.
- ³⁷ Зимой 1877–1878 гг. // Дело. 1878. № 6. С. 141.
- ³⁸ Мизантрон Н. Калейдоскоп (Литературные и общественные заметки) // Дело. 1878. № 11. С. 236.
- ³⁹ Там же. С. 236–237.
- ⁴⁰ «Сербы заинтересуются, начнут расспрашивать подробно о житье-бытье русского крестьянина. Начнешь им, бывало, рассказывать:
– Живет наш крестьянин совсем бедно!.. Изба-то его на бок согнулась, еле-еле держится, лошаденка единственная, коровка его пала, деткам молока негде взять... Слушает серб и... не верит.
– Знаете что, братики? – скажешь, бывало сербу в заключение, – у нас есть такие крестьяне, что всего раза четыре в год мясо пробуют...
– Не истина! – крикнет, бывало, серб, шибко крикнет, даже рассердится» (Максимов Н. В. Указ. соч. С. 193).
- ⁴¹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 9 т. М., 2007. Т. 9, ч. 2. С. 102.
- ⁴² Бачевский К. И. 18-й пехотный Вологдорский полк в первом сражении под Плевной 7-го и 8-го июля 1877 года. Чернигов, 1884. С. 8.
- ⁴³ К... Первая Плевна // Сборник военных рассказов, составленных офицерами – участниками войны 1877–1878 : в VI т. СПб., 1878–1879. Т. II. С. 172.
- ⁴⁴ Ш... Под Плевной 18-го июля 1877 года // Сборник военных рассказов... Т. II. С. 556.
- ⁴⁵ Цит. по: Золотарев В. А. Указ. соч. С. 229–230.

УДК 94(5–11)«187/190»:327.82(470+571:520):929Розен

РОЛЬ Р. Р. РОЗЕНА В ВЕДЕНИИ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ ПО КОРЕЙСКО-МАНЬЧЖУРСКОМУ ВОПРОСУ

Е. Б. Кириченко

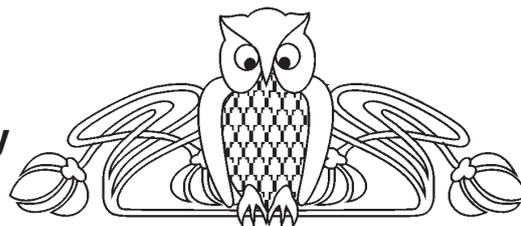
Харьковский национальный педагогический университет, Украина
E-mail: borodina_olena@mail.ru

Статья посвящена роли посланника России в Японии Р. Р. Розена в ведении переговоров, предшествовавших войне 1904–1905 гг. Благодаря довольно длительному пребыванию на дипломатической службе в Японии ему удалось досконально изучить японские интересы в Восточной Азии и отношение японского общества к притязаниям Российской империи на контроль над Маньчжурией и Кореей. Будучи осведомлённым о военном потенциале Японии, Р. Р. Розен заявлял о крайней нежелательности возникновения вооруженного конфликта; однако, несмотря на его усилия, найти компромисс между Санкт-Петербургом и Токио так и не удалось.
Ключевые слова: Р. Р. Розен, Россия, Япония, Корея, Маньчжурия, переговоры.

The Role of R. R. Rosen at Russo-japanese Negotiations about Korean and Manchurian Question

О. В. Курыченко

The article focuses on the Russian minister to Japan R. R. Rosen's role at the negotiations that preceded the war of 1904–1905. Because of quite long stay at the diplomatic service in Japan, he could study Japanese interests in East Asia and the attitude of the Japanese society to the Russian Empire claims to the control over Manchuria and Korea thoroughly. Being informed about military potential of

Japan, R. R. Rosen stated that rise of armed conflict was extremely undesirable; however, in spite of his efforts, Saint-Petersburg and Tokyo couldn't strike a happy medium.

Key words: R. R. Rosen, Russia, Japan, Korea, Manchuria, negotiations.

Роман Романович Розен (1847–1921) – один из выдающихся дипломатов Российской империи, значительная часть карьеры которого была связана с Дальним Востоком, а именно с Японией. Его имя часто упоминается в связи с заключением Портсмутского договора, завершившего Русско-японскую войну 1904–1905 гг., так как Р. Р. Розен исполнял роль второго уполномоченного на мирной конференции, и его подпись, наряду с подписью С. Ю. Витте, подтверждала заключение мира. Тем не менее, недостаточно исследованным остаётся вопрос о влиянии Р. Р. Розена на ход российско-японских переговоров накануне войны, поскольку именно он в этот период представлял интересы России в Японии, находясь на посту посланника в Токио.

Дипломатическая деятельность барона Р. Р. Розена в Японии рассматривается в работах А. И. Кубышкина и А. И. Сизоненко¹, П. Э. Подалко², И. Лукоянова³. Источниковая база представлена материалами Государственного архива